

Правовые ценности в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России и Китая (на материале аксиологемы «историческая память»)

Н. В. Мельник¹, Е. В. Никифорова²

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: ¹saikova@mail.ru, ²sldrrsl@gmail.com

Данная статья посвящена изучению специфики репрезентации правовых ценностей в российском и китайском официальном и неофициальном юридическом дискурсе на примере аксиологемы «историческая память». Цель исследования – определение общего и различного в представлении рассматриваемой аксиологемы в официальном и неофициальном правовом дискурсе России и Китайской Народной Республики. Материалом для изучения являются тексты Конституций России и Китая, а также ответы испытуемых, полученные во время проведения лингвистического эксперимента. Избранные тексты законодательных актов Российской Федерации и Китайской Народной Республики анализируются при помощи метода концептуального анализа; кроме того, используются методы дефиниционно-ассоциативного эксперимента и метод сопоставительного анализа. Выделяются два этапа исследования: вначале проводится анализ содержания аксиологемы «историческая память» в текстах конституций стран, далее же рассматриваются ответы, полученные в ходе свободного ассоциативного и дефиниционного эксперимента, на основе которых определяется специфика представления данной аксиологемы. Результаты данного исследования могут использоваться в сфере юридической лингвистики, лингвокультурологии и лингвоаксиологии, а также находить применение в лексикографической практике.

Ключевые слова: официальный юридический дискурс, неофициальный юридический дискурс, аксиологема, историческая память.

Legal Values in Official and Unofficial Legal Discourse of Russia and China (Case Study of the Axiologeme "Historical Memory")

N. V. Melnik¹, E. V. Nikiforova²

Kemerovo State University

6 Krasnaya Str., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: ¹saikova@mail.ru, ²sldrrsl@gmail.com

This article considers the specifics of the representation of legal values in Russian and Chinese official and unofficial legal discourse on the example of the axiologeme "historical memory". The purpose of the study is to determine the common and different in the representation of the axiologeme in question in the official and unofficial legal discourse of Russia and the People's Republic of China. The materials for the study are the texts of the Constitutions of Russia and China, as well as the answers of the test subjects received during the linguistic experiment. The selected texts of legislative acts of the Russian Federation and the People's Republic of China are analyzed using the method of conceptual analysis; in addition, methods of definitional-associative experiment and the method of comparative analysis are used. Two stages of the research are distinguished: first, the analysis of the content of the axiologeme "historical memory" in the texts of the constitutions of countries is carried out, then the answers obtained during the free associative and definitional experiment are considered, on the basis of which the specifics of the axiologeme representation is determined. The results of this study can be used in the field of legal linguistics, linguoculturology and linguoaxiology, as well as find application in lexicographic practice.

Key words: official legal discourse, informal legal discourse, axiologeme, historical memory.

Введение. Одной из актуальных проблем современной юридической лингвистики является вопрос интерпретации права, в том числе и соотношения официального, осуществляемого органами власти и носящего обязательный характер, и неофициального толкования, не являющегося обязательным и включающего в себя несколько подвидов, в том числе и обыденное толкование [Казанцева 2024: 14-15], юридических текстов и терминов. Важность изучения данного вопроса обуславливается вероятностью возникновения конфликта официальной и обыденной интерпретаций, поскольку в рамках правовой коммуникации законодательным органом предполагается лишь одно верное толкование, в то время как неофициальный субъект не имеет подобных ограничений и способен интерпретировать текст различными способами [Городишенина 2015: 153]. Что касается терминологии, исследователями подчеркивается значимость изучения способов толкования юридических терминов, дающего возможность «понять закономерности обыденного толкования и понимания текста и норм права» [Голев 2018: 29], так как именно данные закономерности определяют эффективность правовой коммуникации между государством и народом [Голев 2007: 93].

Одним из подходов к изучению особенностей официального толкования права является исследование языка права с точки зрения когнитивной лингвистики: правовой текст рассматривается как вид речевой деятельности, то есть как лингвокогнитивное явление, передающее информацию, закодированную языковыми средствами [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 166], а особое внимание обращается на анализ специфики функционирования терминов в данном тексте – их дефиниций и признаков, предлагаемых в юридическом тексте [Адельханян 2012: 38-39].

При изучении специфики обыденного толкования юридических терминов предлагается использование экспериментального метода исследования [Щербак 2023: 84]. М. Е. Воробьева отмечает: использование психолингвистических методик помогает выявить эксплицитные и имплицитные смысловые компоненты юридических терминов, функционирующих в ментальном пространстве общества [Воробьева 2013: 185]. Упоминаются преимущества проведения в одной и той же аудитории ассоциативного дефиниционного лингвистического эксперимента с использованием одинакового стимула: анализ результатов эксперимента позволяет «выходить на продукты предшествующего опыта индивида и образы сознания, связанные с одним и тем же словом» [Бутакова 2012: 57].

Множество исследований также посвящено изучению юридического дискурса с позиций ценностного (лингвоаксиологического) подхода, так как правовые ценности, долгое время привлекающие наибольшее внимание ученых [Ивин 2006: 3], задают основные принципы поведения в социальной среде и, таким образом, признаются важным регулятором общественных отношений [Исаков 2020: 23]. Анализ языкового материала в лингвоаксиологическом аспекте позволяет получить информацию о ценностях участников официального и неофициального юридического дискурса, находящих отражение в толковании права.

В настоящее время набирает популярность и лингвокультурологическое направление юрислингвистических исследований, поскольку культурные особенности и специфика правового дискурса государства находятся в тесной взаимосвязи: как замечает Е. А. Кожемякин, юридический дискурс представляет собой «регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений» [Кожемякин 2011: 131]. Отмечается корреляция правовых ценностей и культуры: ценности данного типа являются органической частью культуры в целом [Майорова, Матанцев 2017: 117]. В данной работе лингвокультурные особенности дискурсов выявляются на примере содержания аксиологемы «историческая память» при помощи методов концептуального анализа конституций государств; также применяется вышеупомянутый метод свободного ассоциативного и дефиниционного эксперимента, поскольку проведение эксперимента «иллюстрирует культурные стереотипы народа; выявляет содержание концепта в мыслительном пространстве носителей языка; позволяет ранжировать признаки, образующие концепт» [Палеева 2010: 15]. Лингвистический эксперимент – способ получить информацию о специфичных для лингвокультурных общностей «образах сознания» и «умственных и чувственных познаниях» конкретного этноса [Уфимцева 2001: 66].

Таким образом, суть исследования сводится к выявлению специфики интерпретации норм права через анализ особенностей восприятия аксиологемы «историческая память» представителями официального и неофициального юридического дискурса в России и Китае.

Правовые ценности в официальном юридическом дискурсе. Вначале проанализируем текст Конституции России. Из преамбулы и статьи 67.1 следует: своими ценностями многонациональный народ России определяет исторически сложившееся государственное единство, а также память о предках, передавших нормы морали будущим поколениям (*«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, <...> сохраняя исторически сложившееся государственное единство, <...> чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, <...> принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»*). Конституцией также охраняется и историческая правда: запрещается обесценивание значимости подвига народа при защите страны и искажение исторических фактов (*«Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»*). Кроме того, компонентом исторической памяти, защищаемым правительством страны, являются и традиции: например, традиционные семейные ценности (*«Правительство Российской Федерации <...> обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области <...> сохранения традиционных семейных ценностей...»*), а также традиционный образ жизни малочисленных коренных народов России (*«В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся <...> защита исконной*

среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей»). Значимость традиций обнаруживается и при административно-территориальном делении государства: границы муниципалитетов устанавливаются исходя из исторических традиций («Территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций»). При этом ответственность за защиту исторического наследия несут не только власти государства, но и население страны («Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»).

Рассмотрим текст Конституции Китайской Народной Республики. В преамбуле законодательного акта отмечается: традиции, созданные народом, и долгая история являются чертами, отличающими Китай от других стран мира («*中国是世界上历史最悠久的国家之一。中国各族人民共同创造了光辉灿烂的文化，具有光荣的革命传统*» – «*Китай – одно из государств мира с самой древней историей. Народы всех национальностей Китая вместе создали великолепную культуру, имеют славные революционные традиции*»). Детальное описание исторических событий, предопределивших курс развития государства, во вступительной части Конституции указывает на значимость данных событий для настоящего и будущего Китая («*一九四九年，以毛泽东主席为领袖的中国共产党领导中国各族人民 <...>，建立了中华人民共和国*», «*中华人民共和国成立以后，我国社会逐步实现了由新民主主义到社会主义的过渡*» – «*В 1949 г. под руководством Коммунистической партии Китая, возглавляемой Председателем Мао Цзэдуном, народы всех национальностей Китая, <...> создали Китайскую Народную Республику*»). Необходимость сохранения исторической памяти также демонстрируется при определении функций Конституции КНР: одной из главных задач данного документа называется фиксация результатов борьбы народа в виде закона («*本宪法以法律的形式确认了中国各族人民奋斗的成果，规定了国家的根本制度和根本任务，是国家的根本法，具有最高的法律效力*» – «*Настоящая Конституция в форме закона зафиксировала результаты борьбы народов Китая, определила основной строй и основные задачи государства*»). При обращении к статье 21 Конституции можно отметить, что традиции также являются защищаемым компонентом исторической памяти в Китае: так, государство занимается развитием традиционной местной медицины («*国家发展医疗卫生事业，发展现代医药和我国传统医药*» – «*Государство развивает здравоохранение, современную и традиционную отечественную медицину и фармакологию*»). Помимо того, в основном законе Китая обращается внимание на нахождение исторических памятников и других объектов культурного наследия под охраной государства («*国家保护名胜古迹、珍贵文物和其他重要历史文化遗产*» – «*Государство охраняет исторические достопримечательности, ценные памятники культуры и иное важное историческое и культурное наследие*»); отдельно описывается порядок защиты памятников истории в государственных автономиях: на данных территориях защиту наследия предоставляют органы местного самоуправления («*民族自治地方的自治机关自主地保护和整理民族的文化遗产*» – «*Органы самоуправления в районах национальной автономии охраняют <...> национальные памятники культуры*»).

Таким образом, наиболее важными признаками аксиологемы «историческая память», обнаруженными в Конституции России, являются защита исторически сложившегося государственного единства, традиций и объектов культурного наследия, а также сохранение памяти о предках и недопущение искажения исторической правды. При анализе Конституции КНР были выявлены следующие значимые признаки: как и в официальном правовом дискурсе России, подчеркивается необходимость защиты памятников истории; при этом отмечается своеобразие традиций и прошлого Китая, определяющих национальный дух народа.

Правовые ценности в неофициальном юридическом дискурсе. Для выявления специфики ценностных ориентаций в неофициальном юридическом дискурсе был избран метод ассоциативно-дефиниционного эксперимента, интерпретация результатов которого позволила сделать выводы о значимости аксиологемы «историческая память» для жителей России и Китая. Участникам эксперимента было предложено указать ассоциации, возникающие при прочтении словосочетания «историческая память», а также привести собственное определение данного понятия. При анкетировании было опрошено 150 российских и 150 китайских респондентов. При анализе полученного материала были выделены следующие группы реакций:

1) исторический опыт и память: реакции, связанные с воспоминаниями о прошлом и с передачей исторической памяти;

2) события из истории и их участники: ассоциации и дефиниции, включающие ссылки на конкретные исторические личности и события;

3) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия: результаты, содержащие упоминания объектов, являющихся носителями исторической памяти и имеющих культурную и историческую ценность;

4) чувства, связанные с восприятием исторического процесса: ответы, описывающие чувства людей, вызванные воспоминаниями о прошлом;

5) основа общественной жизни: результаты, представляющие историческую память как основу формирования общества и национальной идентичности народа.

Вначале проанализируем результаты, полученные в ходе опроса российских информантов. Представим группы, на которые были разделены ответы, и входящие в данные группы ассоциации:

1) исторический опыт и память: прошлое (7), память о прошлом (7), воспоминания (5), история (4), события, произошедшие раньше (3); история России (3), опыт (3), история государства (2), победы (2), подвиг (2), накопленные знания (2), сохранение важных событий (2), поколение (2), передача исторических событий (1), из поколения в поколение (1), хранить историю (1), общественный опыт (1), культурные события в стране в прошлом (1), прошлая жизнь страны (1), события (1), события из жизни народа (1), минувшие события (1), совокупность исторических событий (1), многовековые знания (1), старинные знания (1), память поколений (1), память о предках (1), народ,

забывший свое прошлое, не имеет будущего (1); помни о прошлом, живи настоящим, думай о будущем (1); помнить (1), нельзя забывать (1);

2) события из истории и их участники: Великая Отечественная война (10), война (8), 9 мая (5), герои (4), даты (3), День Победы (2), военные действия (2), предки (2), Вторая мировая война (1), исторические личности (1), Рюрик (1), важные даты (1);

3) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия: памятник (14), традиции (2), наследие (2), летопись (2), книги по истории (1), книги (1), конституция (1), документы (1), архитектура (1), монумент (1), вечный огонь (1), исторические места (1), древние объекты (1), древние артефакты (1), культура (1), наследие предков (1);

4) чувства, связанные с восприятием исторического процесса: патриотизм (6), гордость (5), героизм (2), честь (1), гордость за Родину (1), не допустить фатальную ошибку (1).

Таким образом, ядро ассоциативного поля аксиологемы «историческая память» составляют ассоциации, относящиеся к группам «исторический опыт и память» (63 реакции), «события из истории и их участники» (40 реакций). На периферии же находятся ассоциации, входящие в группы «материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия» (32 реакции), «чувства, связанные с восприятием исторического процесса» (16 реакций). Отметим, что среди ответов российских информантов не было обнаружено реакций, относящихся к смысловой группе «основа общественной жизни».

Как нами отмечалось ранее, участникам эксперимента также предлагалось дать собственные определения понятия «историческая память». В полученных дефинициях выявлялись различные признаки данного понятия, обладающие различной степенью важности для народа. Представим группы определений:

1) исторический опыт и память («Набор знаний о прошлом»; «исторические события, пережитые обществом или человеком, которые формируют образы и представления о прошлом»; «памятные даты, которые задерживаются и остаются в каждом человеке»; «Система накопленных позитивных и негативных знаний человечества, без которой невозможно настоящее и будущее»; «Это достоверные данные об истории, из истории, которые должны знать все»; «Способность общества сохранять и передавать информацию о своей истории и культуре»);

2) основа общественной жизни («Общественная ценность. Культурное явление, заключающееся в прославлении какого-либо исторического события/лица/объекта, имеющего историческую значимость для общества»; «Это основа формирования нации или общества»; «Формирование национального самосознания, чувства патриотичности»; «система методов, которые осуществляют контроль за социальным знанием в настоящем времени о прошлом»);

3) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия («Источники, содержащие исторические события»; «Историко-культурное наследие страны, которое передается из поколения в поколение»).

Таким образом, в ядре дефиниционного поля аксиологемы «историческая память» находится группа «исторический опыт и память» (135 ответов). На периферии расположены признаки «основа общественной жизни» (11 ответов) и «материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия» (4 ответа). При анализе дефиниций не было выявлено ответов, входящих в группы «чувства, связанные с восприятием исторического процесса» и «события из истории и их участники».

Так, в сознании представителей российской лингвокультуры аксиологема «историческая память» наиболее часто вызывает образы событий прошлого и их участников. С данными образами в сознании россиян связаны знания об исторических событиях.

Перейдем к анализу ответов китайских информантов. Полученные ассоциации также были разделены на группы:

1) события из истории и их участники: 我国 – Китай (7), 日本侵华 – вторжение Японии в Китай (3), 秦始皇 – Цинь Шихуан (3), 抗日战争 – антияпонская война (3), 南京大屠杀 – Нанкинская резня (3), 日本 – Япония (2), 历史人物 – историческая личность (2), 屈辱史 – история унижения (2), 战争 – война (2), 伟人 – великий человек (2), 第二次世界大战 – Вторая мировая война (2), 革命历史 – история революции (1), 勿忘国耻 – не забывать о позоре страны (1), 铭记国耻 – вспоминать позор страны (1), 中国被入侵 – Китай подвергся вторжению (1), 抗日 – антияпонские настроения (1), 革命 – революция (1), 革命斗争 – революционная борьба (1), 甲骨文 – Цзягувэнь (1), 嫦娥奔月 – Чанъэ летит на Луну (1), 华夏五千年 – пять тысяч лет Китая (1), 列强侵华 – державы вторглись в Китай (1), 荣耀和耻辱 – слава и позор (1), 历史英雄 – исторический герой (1), 王谢 – Ван Се (1), 天子 – Сын Неба (1), 明星 – известная личность (1), 曹操 – Цао Цао (1), 日本二战 – Япония во время Второй мировой войны (1), 中华 – китайский народ (1), 毛泽吨 – Мао Цзэдун (1), 反法西斯战争 – антифашистская война (1);

2) исторический опыт и память: 历史 – история (15), 历史事件 – исторические события (7), 过去 – прошлое (5), 古代文明 – древняя цивилизация (2), 中国近代史 – современная история Китая (2), 历史虚无主义 – исторический нигилизм (2), 不应该遗忘 – нельзя забывать (2), 文明成就 – достижения цивилизации (2), 民族历史 – национальная история (1), 古代历史 – древняя история (1), 中国历史 – китайская история (1), 历史悠久 – долгая история (1), 汉代 – династия Хань (1), 古代的朝代 – древние династии (1), 铭记 – помнить (1), 回忆 – воспоминание (1), 收集历史记忆 – собирать исторические воспоминания (1), 不忘 – не забывать (1), 不能遗忘 – не могу забыть (1), 历史变革 – исторические изменения (1), 文化演进 – культурная эволюция (1), 历史教育 – историческое образование (1), 祖先智慧 – мудрость предков (1), 历史教训 – уроки истории (1);

3) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия: 文化遗产 – культурное наследие (4), 文物保护 – защита культурных реликвий (4), 历史文物保护法 – закон об охране историко-культурных реликвий (3), 文化 – культура (3), 传统 – традиция (3), 历史传承 – историческое наследие (2), 世界文化 – мировая культура (1), 传统文化 – традиционная культура (1), 非遗 – нематериальное культурное наследие (1), 历史档案 – исторические архивы (1), 历史景点 – исторические достопримечательности (1), 中国著名的古迹遗址 – известные исторические достопримечательности Китая (1), 历史的尘埃 – «Пыль истории» (1), 古典诗 – классические стихотворения (1), 三国演义 – «Романтика трех королевств» (1), 历史文献 – исторический документ (1), 中国宪法 – Конституция Китая (1);

4) чувства, связанные с восприятием исторического процесса: 童年 – детство (3), 民族精神 – национальный дух (2), 我家 – моя семья (2), 痛苦 – страдание (1), 辉煌 – славный (1), 无与伦比 – непревзойденный (1), 艰难 – трудный (1), 国家气节 – дух страны (1), 唤醒民族气节 – пробудить национальный дух (1), 人民精神 – народный дух (1), 打造民族精神 – создавать национальный дух (1).

Результаты показывают, что ядро ассоциативного поля аксиологемы «историческая память» в сознании китайского народа составляют ассоциации, относящиеся к группам «исторический опыт и память» (53 реакции) и «события из истории и их участники» (52 реакции). На периферии же находятся ассоциации, входящие в смысловые группы «материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия» (30 реакций) и «чувства, связанные с восприятием исторического процесса» (15 реакций). В свою очередь, не было выявлено реакций, связанных с группой «основа общественной жизни», – данное явление также наблюдалось при анализе результатов ассоциативного эксперимента, данных анкетированными из России.

Китайскими информантами также были предоставлены определения понятия «историческая память». Представим распределение дефиниций по выделенным группам:

1) исторический опыт и память (*五千年的荣耀和近百年的屈辱 – пять тысяч лет славы и почти сто лет унижения; 经验与教训 – опыт и извлеченные уроки; 无法忘记的屈辱往事 – унижительное прошлое, которое невозможно забыть; 人们对历史事件的记录和记忆 – записи и воспоминания людей об исторических событиях*);

2) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия (*精神文化遗产 – духовное культурное наследие; 我们对历史传统和文化的继承和传 – наше историческое и культурное наследие*);

3) чувства, связанные с восприятием исторического процесса (*对历史事实的解读、评价和情感态度 – интерпретация, оценка и эмоциональное отношение к историческим фактам; 让我想起来会给我动力的事 – то, что напоминает мне о вещах, которые дают мне мотивацию*);

4) основа общественной жизни (*社会生活基础 – основа социальной жизни, 是人类发展的过程 – это процесс человеческого развития; 承载着过去与未来的 – то, что включает в себе прошлое и будущее; 历史会让一个民族一个国家更有自信 · 会增强民族凝聚力 – то, что сделает нацию и страну более уверенными в себе и укрепит национальную сплоченность*).

Полученные результаты демонстрируют, что ядро дефиниционного поля аксиологемы составляет признак «исторический опыт и память» (94 ответа), а признаки «материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия» (27 ответов), «чувства, связанные с восприятием исторического процесса» (17 ответов) и «основа общественной жизни» (12 ответов) находятся на периферии поля. Как следует из представленного анализа, при рассмотрении материала не было отмечено дефиниций, входящих в группу «события из истории и их участники».

Так, в сознании участников неофициального правового дискурса Китая преобладают образы, связанные с особыми событиями из истории Китая, их участниками и памяти о них.

Выводы. Подводя итоги анализа, скажем, что в официальном правовом дискурсе России аксиологема «историческая память» связывается с понятиями исторически сложившегося государственного единства, памяти о предках, защиты традиций и памятников, а также исторической правды, искажение которой запрещается на законодательном уровне. Как и в российском дискурсе, в Конституции Китая историческая память включает в себя защиту предметов культурного и исторического наследия, однако отличительной чертой является специфика китайских традиций и истории страны. Что касается неофициального правового дискурса, заметим: в сознании россиян рассматриваемая аксиологема чаще всего вызывает ассоциации с событиями из истории своей страны и их участниками, памятливыми датами и праздниками, а также актуализируется признак необходимости сохранения знаний об истории всеми представителями народа. Участники китайского неофициального правового дискурса, в свою очередь, связывают аксиологему «историческая память» с историческим опытом государства, участниками событий, а также личной интерпретацией, оценкой исторического процесса и воспоминаниями о собственной жизни. Таким образом, отмечается близость признаков аксиологемы «историческая память» в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России, чего не было выявлено в ходе анализа дискурса Китая. Подобное явление обуславливается особенностями общественно-политической жизни государств: так, региональные различия во внутренней политике Китая выражены более ярко, чем в России, что создает препятствия для формирования единого определения исторической памяти. Помимо того, содержание понятия четко определено в законодательстве России, в то время как в законах Китая границы рассматриваемого термина размыты, что также объясняет наличие

множества вариантов трактовки понятия «историческая память» участниками непрофессионального юридического дискурса.

Интерес представляет и отсутствие некоторых типов реакций в разных видах эксперимента: так, российскими и китайскими информантами не было дано ассоциаций, входящих в группу «основа общественной жизни», – упомянутая группа ответов реализована лишь при анализе определений понятия. Что касается результатов дефиниционного эксперимента, среди ответов испытуемых из России и Китая не были обнаружены ответы, входящие в группу «события из истории и их участники», однако российскими информантами также не было дано определений, связанных со смысловой группой реакций «чувства, связанные с восприятием исторического процесса». Так, представители китайского народа связывают историю государства с личными чувствами и переживаниями чаще, чем россияне, что обуславливается культурными особенностями: основу китайского менталитета составляет память о предках и прошлом, что формирует эмоциональную связь человека с историческими событиями; в российском обществе же наблюдается более рационализированное восприятие истории и исторической памяти.

Литература

- Адельханян Г. Р. Лингвокогнитивный подход к изучению языка права как предмета правовой лингвистики (общие замечания) / Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2012. – № 3 (83). – С. 36-43.
- Бутакова Л. О. Слово человека: психолингвистическое моделирование значения как достояние индивида / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – № 9. – Том 11. – С. 56-65.
- Воробьева М. Е. Юридическая терминология: системноцентрический и антропоцентрический подходы / СибСкрипт. – 2013. – № 2 (54). – С. 183-186.
- Голев Н. Д. Исследование обыденного метаязыкового сознания в современной российской лингвистике / Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 2. – С. 27-32.
- Голев Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 92-104.
- Городишенина Е. В. Научная юридическая терминология в официальном и неофициальном толкованиях права / СибСкрипт. – 2015. – № 1-4 (61). – С. 153-157.
- Ивин А. А. Аксиология. М., 2006.
- Исаков В. Б. Ценностный подход в юридическом дискурсе / Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения: сборник материалов IX Международного конгресса сравнительного правоведения (Москва, 2 декабря 2019 г.) – Москва. – 2020. – С. 20-29.
- Казанцева О. Л. О роли толкования норм права / Юрислингвистика. – 2024. – № 33 (44). – С. 13-17.
- Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Юрислингвистика. – 2011. – № 11. – С. 131-145.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Майорова М. С., Матанцев Д. А. Понятие и значение правовых ценностей в культурном измерении / Манускрипт. – 2017. – № 8(82). – С. 115-117.
- Палева Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований / Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – Вып. 2. – С. 15.
- Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж. – 2001. – С. 65-71.
- Щербак Ю. Е. Обыденная интерпретация юридических высказываний (на материале лингвистического теста) / Юрислингвистика. – 2023. – № 28 (39). – С. 83-88.

References

- Adelkhanyan, G. R. (2012). Linguocognitive approach to the study of the language of law as a subject of legal linguistics (general remarks). Bulletin of the Russian State University. The series "Economics. Management. The right", 3 (83), 36-43 (in Russian).
- Butakova, L. O. (2012). The Word of man: psycholinguistic modeling of meaning as an individual's property. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology, 9, 56-65 (in Russian).
- Golev, N. D. (2007). Linguistic dead ends of legal technique. Legal Linguistics, 8, 92-104 (in Russian).
- Golev, N. D. (2018). The study of everyday metalanguage consciousness in modern Russian linguistics. Philological Sciences. Scientific reports of the higher school, 2, 27-32 (in Russian).
- Gorodishenina E. V. (2015). Scientific legal terminology in official and unofficial interpretations of law. SibScript, 1-4 (61), 153-157 (in Russian).
- Isakov, V. B. (2020). Value approach in legal discourse. Legal values in the focus of comparative Law: Proceedings of the IX International Congress of Comparative Law (Moscow, December 2, 2019). Moscow, 20-29 (in Russian).
- Ivin, A. A. (2006). Axiology. Moscow (in Russian).
- Kazantseva, O. L. (2024). On the Interpretation of Legal Norms. Legal Linguistics, 33, 13-17.

- Kozhemyakin, E. A. (2011). Legal discourse as a cultural phenomenon: structure and meaning formation. *Legal Linguistics*, 11, 131-145 (in Russian).
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). A concise dictionary of cognitive terms. Moscow (in Russian).
- Mayorova, M. S., Matantsev, D. A. (2017). The concept and meaning of legal values in the cultural dimension. Manuscript, 8(82), 115-117 (in Russian).
- Paleeva, E. V. (2010). Conceptual analysis as a method of linguistic research. *Theory of language and intercultural communication*, 2, 15 (in Russian).
- Shcherbak, Yu. E. (2023). Commonplace Interpretation of Legal Utterances (Case Study of a Linguistic Test). *Legal Linguistics*, 28, 83-88 (in Russian).
- Ufimtseva, N. V. (2001). Comparative study of the linguistic consciousness of the Slavs. *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh, 65-71 (in Russian).
- Vorobyova, M. E. (2013). Legal terminology: system-centric and anthropocentric approaches. *SibScript*, 2 (54), 183-186 (in Russian).

Citation:

Мельник Н. В., Никифорова Е. В. Правовые ценности в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России и Китая (на материале аксиологемы «историческая память») // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 76-82.

Melnik N. V., Nikiforova E. V. (2025) Legal Values in Official and Unofficial Legal Discourse of Russia and China (Case Study of the Axiologeme "Historical Memory"). *Legal Linguistics*, 35, 76-82.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License